

Начиная с середины XIV в. византийские писатели уже «не уединялись в башне из словенной кости своих учений»³². Внутренняя ситуация в стране вызывала настороженность, опасения или разочарование современников. Димитрий Кидонис, характеризуя положение в стране в 40-е годы XIV в., не находил других слов, кроме как *συμφορά, ε;*; *ἄθρα, φθορά, πόλεμος, τραῦμα, τραῦδία*. Счастье и благополучие страны византийские авторы относили теперь к далекому прошлому либо к будущим временам. Беды страны в глазах современников были связаны с народными восстаниями, междоусобиями, постоянной борьбой за власть, неблагоприятной ситуацией при дворе. Разрушительные действия толпы, стремящейся подорвать установленный свыше и веками поддерживаемый порядок, рассматривались Димитрием Кидонисом и многими из тех, кто был равен ему по положению, как одна из главных причин бедственного положения страны.

Сложность внутривластной ситуации в стране действительно определялась бесконечными междоусобиями, характерными для рассматриваемого периода в истории Византии, который можно определить как стадию политической раздробленности, когда сепаратистски настроенные силы успешно конкурировали с центральной властью и придворными группировками. Шла борьба между императором и его соправителем, между претендентами на императорский трон, между желающими занять высокий пост и уже его имеющими. Во многом отражая настроения средних слоев населения, Алексей Макремволит писал в плаче «На разрушение св. Софии от многократных землетрясений»: «Не были ли мы напрочь уничтожены беспорядком и смутой и взаимными истреблениями? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты их жителями?» (*Al. Makr. Thren. 37—39*). Оценка внутривластной ситуации, данная аристократом Николаем Кавасилой в сочинении «Благочестивой Августе о проценте», созвучна сказанному Макремволитом: «Я называю бурей то время, когда императоры находились в ссоре, когда города снедались распрями, пренебрегали согласием между собой, когда был обнажен меч против законов и руки христиан обгазились кровью соотечественников» (*Cabas. Panég. P. 274. 39—275. 3*). В оценке социальной обстановки оба эти автора далеки друг от друга, но острое недовольство отсутствием в стране политического порядка объединяло представителей различных слоев. Характеризуя ситуацию при дворе, Алексей Макремволит рисует картину вражды и наущничества, вкладывает в уста богатых следующие жалобы: «... вы не знаете гнева правителей по отношению к нам, коварства и вражды, равных нам, ползучей зависти против имеющих большой успех!» (*Al. Makr. Dial. P. 212. 20—22*).

Пройдет еще около 50 лет, но внутривластное положение в стране не изменится. Междоусобия и борьба за власть в стране станут хронической болезнью Византии, порожденной особенностями ее социального развития, отсутствием в стране сложившегося городского населения, которое могло бы стать союзником императорской власти в борьбе с феодальным сепаратизмом и консервативной бюрократией. Димитрий Кидонис в 1391 г. описывает политическое положение при дворе примерно теми же словами: «Продолжает господствовать старое зло, которое причинило общее разорение. Я разумею раздоры между императорами из-за призрака власти... Внутри же — восстания граждан... считающих друг друга самыми важными в императорских дворцах, и ссоры, и раздоры из-за первенства, и у каждого стремление, если бы он смог, завладеть всем одному-единственному...» (*Cydon. Corresp. Ep. N 442.51—56*). Димитрий Кидонис, сам не раз высказывавшийся в духе доктрины ойкуменизма, поставил под сомнение политическое, идейное и нравственное достоинство столицы: «Где право? Где закон? Где забота о науках? Где обучение богословию? Где, по крайней мере, видимость добродетели? Это ли город, которым мы очень гордимся?» (*Idem. Apol. I. P. 374. 57—59*).

Отношения церкви и светской власти являются одним из важных показателей характера средневекового государства. Исходя из господствовавшей в Византии доктрины ойкуменизма, следовало бы ожидать отражения в политической мысли рассматриваемого времени тезиса об особо значимом положении церкви в стране. Но если обратиться к первой «Апологии» Димитрия Кидониса, то становится очевидным, что наряду с императорским достоинством Константинополя он отрицает и его духовный престиж. Современниками было ясно, что забота о пастве не составляла главную цель патриарха. Все его усердие, согласно Кидонису, было обращено на то, чтобы угодить императору и удержаться у власти. Патриарх не имел

³² *Dieten J.-L. van. Op. cit. S. 12.*